

К ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ВОПРОСА ОБ АБАШЕВСКИХ ДРЕВНОСТЯХ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

А. В. Моисеев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2010 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об абашевских древностях на территории Украины, в последнее время трактуемых исследователями весьма различно.

Ключевые слова: абашевские древности, эпоха бронзы, Северский Донец.

Abstract: in the article the author consider a problem of Abashevo antiquities in Ukraine. At last time there are different points of view on this problem.

Key words: Abashevo antiquities, bronze age, North Donets.

Проблема абашевских древностей, абашевско-го культурного присутствия на территории современной Украины существует уже довольно давно, являясь частным случаем более общей проблемы границ абашевского культурного мира как в географическом отношении (определение его западных и юго-западных пределов), так и в хронологическом (определение финала абашевских древностей и их дальнейшей судьбы, в более широком плане – проблемы культурогенеза рубежа средней-поздней бронзы восточноевропейской степи-лесостепи). Впрочем, как «проблема» она особенно остро ощущается, пожалуй, лишь в последние десятилетия.

О том, что исследователи в настоящее время весьма далеки от единства трактовок абашевской проблематики применительно к территории Украины (и не только Украины) свидетельствуют хотя бы диаметрально противоположные высказывания по поводу самого существования абашевских древностей на этой территории. Совсем недавно, почти одновременно, два ведущих исследователя эпохи бронзы названного региона высказались прямо противоположно. С. Н. Санжаров пишет, что «на современном этапе изучения ... мы все более убеждаемся, что регион Восточной Украины непосредственно входил в область распространения абашевской культуры» [1, с. 106], а В. В. Отрощенко считает, что «граница ДВАК [доно-волжской абашевской культуры] ... на всем своем протяжении удалена от современных пределов Украины» [2, с. 144].

История проблемы неоднократно и довольно подробно изложена в работах С. Н. Санжарова [3, с. 202–205], Р. А. Литвиненко [4, с. 90–100] и других исследователей, предложены даже

несколько периодизаций истории ее изучения [4, с. 92; 2, с. 144]. Здесь нет никакой надобности хоть сколько-нибудь подробно ее повторять. Остановлюсь лишь на основных вехах истории вопроса. Сами памятники, которые затем будут так или иначе рассматриваться в контексте абашевской культуры, раскапывались на территории Восточной Украины, по меньшей мере, с 1950-х гг. (например, раскопки Д. Я. Телегиным поселения близ г. Александрия на Осколе (1959 г.) и др.). Однако полученные материалы, как правило, относились либо к предшествующим (катакомбным) либо к последующим (срубным) древностям.

Для постановки вопроса об абашевской культуре применительно к территории Украины необходимо был сопоставительный материал на соседних территориях Подонья, который появился, по большому счету, только с середины 1960-х гг. [5] Примечательно, что уже при выделении пласта абашевских древностей на Среднем Дону П. Д. Либеров ставил вопрос о наличии абашевских памятников и на территории современной Украины, в частности, Харьковской области [5, с. 152–153]. Другое дело, что он видел абашевские материалы среди позднесрубных и раннего периода раннего железного века, что вполне находилось в русле его концепции непосредственного доживания абашевской культуры до раннего железного века [6, с. 78–83].

Более предметная постановка вопроса о наличии на территории Северскодонецчины материалов, сопоставимых с абашевскими древностями, относится к концу 1960-х – началу 1970-х гг. Н. Н. Чередниченко и Т. А. Шаповалов на основании материалов раскопок ряда поселений (прежде всего, Капитаново-1 и Ильичевка) выделяют керамические серии, заставляющие искать аналогии в абашевских древностях.

Н. Н. Чередниченко была выделена керамика, сопоставленная с абашевскими древностями Подонья. Правда, она рассматривалась им в системе срубной культуры в рамках раннего покровского этапа срубной культуры, основным содержанием которого была трансформация позднекатакомбной и абашевской культур в срубную [7, с. 233–235]. Т. А. Шаповалов на поселении Ильичевка выделял 6 (позднее 5) стратиграфических горизонтов, самый ранний из которых («абашевско-многоваликовый» / «многоваликово-абашевский»), относясь в целом к культуре многоваликовой керамики, содержал в себе кроме многоваликовой керамики, также керамику абашевскую и смешанную, сочетающую в себе черты обеих культур, что трактовалось как отражение процесса проникновения абашевцев в среду носителей культуры многоваликовой керамики [8, с. 151; 9, с. 5, 7–8, 22]. Данные о наличии на ряде поселений бассейна Северского Донца керамики, проявляющей абашевские черты, были учтены при определении западных-юго-западных границ распространения абашевской культуры в Подонье [10, с. 37–38; 11, с. 64–65].

Следующей вехой стали раскопки и публикация материалов кургана 2 могильника у с. Пришиб. На основании этих материалов Я. П. Гершковичем были выделены три группы погребений, наиболее ранняя из которых – культура многоваликовой керамики, наиболее поздняя – срубная, между ними же – группа погребений (в свою очередь разделенная на два горизонта), сопоставленных с поздними доно-волжскими абашевскими материалами и синкретическими абашевско-срубными погребениями в Подонье [12].

В 1987 г. С. С. Березанская в своей статье (названной В. В. Отрощенко «апогеем поиска Абашеева в Украине» [2, с. 143]) обобщает достигнутые на тот момент результаты изучения памятников с проявляющими абашевские черты материалами на территории Украины [13]. Ею задействовано около трех с половиной десятков комплексов, распространенных на территории Восточной Украины вплоть до Днепра, но в основном концентрирующихся в бассейне Северского Донца. Она выделяет две хронологические группы абашевских памятников, первая из которых синхронна культуре многоваликовой керамики, вторая относится уже к срубному времени. Отмечается ослабленность и размытость собственно абашевских черт, их уже трансформированный, смешанный абашевско-многоваликовый и абашевско-срубный характер.

При всех различиях в подходах названных исследователей к абашевским древностям на

территории Украины между большинством из них было много общего: ослабленность собственно абашевских черт через абашевско-многоваликовый или абашевско-срубный синкретизм, отсутствие чисто абашевских (не затронутых подобными явлениями) комплексов или слоев на поселениях, соотнесение украинских материалов лишь с самыми поздними доно-волжскими. Кроме того, деление соответствующих материалов на две хронологические группы (Я. П. Гершкович, С. С. Березанская, а в дальнейшем, уже с несколько иным содержанием, Р. А. Литвиненко, С. Н. Санжаров). Едино исследователи и в признании Подонья исходной территории для абашевских проявлений на Украине.

В 1995 г. памятники, так или иначе относимые к абашевской культуре, с территории Украины оказываются предметом обобщающей статьи Р. А. Литвиненко, где автор приходит к выводу «о некорректности использовании термина «абашевская культура» применительно к ...памятникам Украины и даже Среднего Дона» [14, с. 73]. Памятники эти, так же, как и у С. С. Березанской, разделенные на две хронологические группы, – все суть покровские, причем, украинские – наиболее поздние из покровских [14, с. 80–81].

Несмотря на то, что эта работа претендует на выделение новой для территории Украины культурной группы, можно вполне согласиться с С. Н. Санжаровым, наглядно проиллюстрировавшим, что в данном случае речь идет не столько о «выделении», сколько о более-менее простом переименовании уже выделенных и обособленных ранее памятников [3, с. 203–205]. Учитывая же, что в данной статье покровскими, очевидно, считаются и все доно-волжские абашевские памятники, речь не идет и об отрицании культурного единства соответствующих древностей Подонья и Подонцовья.

По мнению же В. В. Отрощенко, данная статья логично завершила первый этап попыток поиска и выделения Абашева на Украине (1970–1995 гг.), начавшийся с работ Н. Н. Чередниченко, и вкупе с выделением покровской культуры на Волге и Нижнем Дону, строго говоря, закрывает проблему, а «первый» этап так и остался бы единственным, если бы не попытки выделить абашевскую культуру на Северско-донецчине (попытки бесплодные и малоперспективные, так как таковой культуры здесь попросту нет) в дальнейшем [2, с. 144].

В. В. Отрощенко не только полностью поддержал Р. А. Литвиненко в предложенном переименовании памятников с территории Украины, ранее считавшихся абашевскими, в покров-

ские, но и является даже более последовательным сторонником такой их атрибуции, чем сам Р. А. Литвиненко, уже довольно скоро «смягчивший» свою позицию на счет «некорректности» наименования абашевскими как материалов Среднего Дона, так и, в известной степени, какой-то части северскодонецких [4, с. 94–97]. Позиция В. В. Отрощенко изложена предельно ясно: абашевских памятников на территории Украины нет, большинство «спорных» памятников относится к покровским древностям, которые надлежит относить к покровской срубной культуре, остальные же – к среднеднепровской, культуре многоваликовой керамики и даже репинской культурам [2, с. 143–144].

К данной позиции близки и взгляды Р. А. Литвиненко, признающего в бассейне Северского Донца наличие лишь незначительной группы памятников, «сопоставимых с поздним периодом доно-волжской абашевской (покровской) культуры, а также ППТ (памятниками покровского типа), знаменующими собой переход к ранней срубной культуре», допускающих «лишь частичную синхронность наиболее ранних «абашоидных» проявлений на Донеччине с финалом» среднего этапа доно-волжской абашевской культуры [4, с. 96–97].

Подобные взгляды являются закономерным следствием представлений названных авторов о характере абашевских проявлений в Подонье как «условно» абашевских. Для В. В. Отрощенко доно-волжская абашевская культура – это «абашевский модерн», относящийся целиком к непосредственно предсрубному хронологическому горизонту [15, с. 68–74; 16, с. 52–59]; для Р. А. Литвиненко вопрос о принадлежности донских памятников к абашевскому кругу, зависящий прежде всего от их синхронизации с массивами абашевских памятников Средней Волги и Приуралья, остается открытым, так как подобная синхронизация, по мнению исследователя, надежно не доказана [4, с. 96].

Ситуацию не решает и предложение Я. П. Гершковича ставить вопрос не об абашевской культуре на Украине, которой там не было, а о том «как, когда и почему абашевский импульс достиг южных пределов лесостепной зоны» [17, с. 123]. Такая постановка проблемы требует предварительного ответа на другой вопрос, а именно, что следует конкретно понимать под «абашевским импульсом».

Иной подход к проблеме абашевских древностей на Украине в последнее время высказывает С. Н. Санжаров [1; 3, с. 201–210; 18, с. 117–120; 19, с. 236–256]. Основываясь прежде всего на материалах поселений он выделя-

ет на них абашевские памятники, разделенные на позднеабашевские (о них нередко говорится как о типично доно-волжских) и финальноабашевские. Причем первые (позднеабашевские) материалы синхронизированы с позднекатакомбными и предшествуют культуре многоваликовой керамики.

Основные выводы исследователя следующие: на ряде поселений в бассейне Северского Донца выявлена представительная коллекция материалов, аналогичных доно-волжским абашевским, а в ряде случаев зафиксировано совместное залегание позднекатакомбной и абашевской керамики; выявлена также керамика, отражающая процесс взаимо контактов позднекатакомбного и абашевского населения; «трансформация позднекатакомбной культуры в финальнокатакомбную в бассейне Северского Донца может объясняться тем обстоятельством, что на позднекатакомбном этапе развития местного населения здесь появляются мигранты с материальным обликом позднеабашевской доно-волжской культуры» [18, с. 120]; культура многоваликовой керамики – финальнокатакомбное явление, ранняя культура многоваликовой керамики – «производная линия развития от катакомбно-абашевского симбиоза, но ... в рамках катакомбной культурной традиции» [18, с. 120].

Вывод С. Н. Санжарова о синхронизации абашевских проявлений на Украине с позднекатакомбным этапом местных древностей имеет и свои последствия, в частности, сам по себе являясь серьезным аргументом в пользу именно абашевской, а не постабашевской атрибуции данных проявлений.

Сразу же возникла проблема согласования данных поселенческих и погребальных памятников, осложненная малочисленностью последних, особенно в части, соотносимой с наиболее ранними абашевскими проявлениями на Северском Донце [19]. Камнем преткновения стало, прежде всего, хронологическое соотношение абашевских памятников и памятников культуры многоваликовой керамики. Если по данным С. Н. Санжарова на поселениях прослежено проникновение абашевцев в среду позднекатакомбного населения на этапе, предшествующем складыванию культуры многоваликовой керамики (как раз и послужившее причиной такого складывания), то данные курганной стратиграфии показывают предшествование памятников культуры многоваликовой керамики комплексам, проявляющим абашевские черты.

Такая ситуация вызвала как совершенно определенное недоверие к построениям С. Н. Санжарова (Р. А. Литвиненко, В. В. Отрощенко),

так и довольно резкую ответную реакцию [3, с. 201–210]. Недоверие вполне понятно, учитывая, что С. Н. Санжаров оперирует не столько комплексами, сколько материалами из слоя поселений, при этом сам же неоднократно указывая, что условия почвообразования на поселениях Северского Донца «привели к отсутствию четких стратиграфических границ не только между горизонтами культурных напластований эпохи бронзы, но и между культурными отложениями целых археологических эпох» [1, с. 65].

В любом случае проблема противоречия данных погребальных и поселенческих памятников не решается за счет игнорирования одних из них. Вопрос не в том, какой из видов источников предпочесть (хотя возникает ощущение, что именно так он зачастую и ставится), а в том – как их данные согласовать. Рядом исследователей осторожно ставится вопрос и о наличии абашевских проявлений в бассейне Северского Донца, даже более ранних, чем поздний этап доно-волжской абашевской культуры. Так, С. Н. Санжаров допускает рассмотрение отдельных сосудов с поселения Черниково Озеро I в контексте развитого (среднего) этапа доно-волжской абашевской культуры [1, с. 66]. Более определенно на этот счет высказывается А. Д. Пряхин, допускающий существование абашевцев в Подонцовье даже на раннем этапе доно-волжской абашевской культуры [20]. Данное допущение основывается, главным образом, на материалах раскопок поселения Сердюково-2, в последнее время рассматривающихся исключительно как репинские. К сожалению, утрата части коллекции, отобранной как абашевская, до ее публикации [1, с. 105, прим. 7] исключает апелляцию к данному поселению как безусловному аргументу в пользу той или иной точки зрения.

В целом, можно заключить, что в последнее время между исследователями в отношении памятников, проявляющих абашевские черты, существует больше противоречий в их наименовании, чем в понимании. Большинство исследователей в целом согласны в определении круга «спорных» памятников, наличии в них черт, ассоциирующихся с абашевскими древностями, определении культурно-хронологических позиций этого круга как в системе восточноукраинских древностей (между катакомбными и срубными в широком смысле), так и в плане синхронизации с памятниками на смежных территориях (в частности, с поздним и заключительным этапами доно-волжской абашевской культуры), в признании участия населения, оставившего эти памятники, в срубном культурогенезе.

Дискутируются вопросы о времени появления подобных памятников на территории Украины и их хронологическом соотношении с древностями культуры многоваликовой керамики, но общей картины это не меняет. Главное противоречие между исследователями в признании их абашевской или постабашевской природы, что отражается в соответствующих наименованиях, включающих или не включающих в себя «абашевский» компонент.

Ситуация с рассматриваемыми памятниками на Украине является частным случаем более широкой проблемы в археологии эпохи бронзы степи-лесостепи Евразии, названной Е. Н. Черных «степным синдромом непрерывности культурного полотна», сущность которого в том, что на стыках (как хронологических, так и территориальных) культур их признаки оказываются расплывчатыми, границы между культурами размытыми и «наползающими, причем весьма широкими полосами, друг на друга» [21, с. 35–36].

Рассматриваемые украинские памятники как раз и находятся непосредственно в зоне этой «непрерывности». Для них равно приемлемы названия как «позднеабашевские» так и «раннесрубные». Но и то и другое названия вызывают ассоциации с обликом древностей развитых этапов обеих культур (абашевской и срубной), а он весьма отличен от облика переходных памятников на стыке этих культур. То обстоятельство, что данные памятники обладают специфическим набором «абашевских», «срубных» и иных черт и их комбинаций, отличным от «чистых» абашевских, срубных, катакомбных и т.д. древностей подвигло исследователей искать какое-то специфическое их наименование, не указывающее непосредственно только на Абашево или только на срубников (так как данные памятники равно находятся в поле обеих культур). Таковым наименованием, как правило, выступают термины, производные от «покровский». К сожалению, сама «покровская семантика» все ветвится и ветвится, обрастая все новыми значениями и их оттенками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санжаров С. Н. Кайдацкий комплекс поселений средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца / С. Н. Санжаров. – Луганск, 2004.
2. Отрощенко В. В. К вопросу о наличии «абашевских» комплексов в Украине / В. В. Отрощенко // Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие : материалы междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003.

3. Санжаров С. Н. Проблемы в изучении позднеабашевских древностей Восточной Украины / С. Н. Санжаров // Вісник Східноукраїнського національного університету. – 2005. – № 4 (86).
4. Литвиненко Р. А. Была ли абашевская культура на Украине? / Р. А. Литвиненко // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж, 1998. – (АВЛ. Вып. 11).
5. Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П. Д. Либеров. – М., 1964.
6. Моисеев А. В. П. Д. Либеров и изучение абашевских древностей Подонья / А. В. Моисеев // Проблемы гірничої археології : матеріали І-го Картаміського польового археологічного семінару (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської області 7–8 серпня 2002 р.). – Алчевск, 2003.
7. Чередниченко Н. Н. Поселение срубной культуры на Луганщине / Н. Н. Чередниченко // СА. – 1970. – № 1.
8. Шаповалов Т. А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце / Т. А. Шаповалов // Энеолит и бронзовый век Украины : исследования и материалы. – Киев, 1976.
9. Шаповалов Т. А. Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца (по материалам Ильичевского поселения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Шаповалов. – Киев, 1983.
10. Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники / А. Д. Пряхин. – Воронеж, 1977.
11. Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности / А. Д. Пряхин. – Воронеж, 1976.
12. Гершкович Я. П. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб / Я. П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев, 1982.
13. Березанская С. С. Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) / С. С. Березанская // Межплеменные связи эпохи поздней бронзы на территории Украины. – Киев, 1987.
14. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р. А. Литвиненко // Археологические вести. – № 4. – СПб., 1995.
15. Отрощенко В. В. Проблемы периодизации культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В. В. Отрощенко. – Київ, 2001.
16. Отрощенко В. В. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре / В. В. Отрощенко // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж, 1998. – (АВЛ. Вып. 11)
17. Гершкович Я. П. Два аспекта покровской проблемы / Я. П. Гершкович // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. – Ч. I. – М., 2003.
18. Санжаров С. Н. О некоторых проблемах периодизации и интерпретации культур эпохи бронзы Северского Донца / С. Н. Санжаров // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: тез. конф. Ч. I. – М., 2003.
19. Санжаров С. Н. Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца / С. Н. Санжаров // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – № 2. – Луганськ, 2004.
20. Пряхин А. Д. Юго-западные пределы доно-волжской абашевской культуры / А. Д. Пряхин // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1997.
21. Черных Е. Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития / Е. Н. Черных. – М., 2007. – (Каргалы. – Т. V).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВЛ – Археология восточноевропейской лесостепи (Воронеж).
СА – Советская археология (Москва).

Воронежский государственный университет
Моисеев А. В., заведующий лабораторией историко-географии археологии Евразии
E-mail: LIAE306@yandex.ru
Тел.: 8(4732) 39-29-35

Voronezh State University
Moiseev A. V., Head of Laboratory of History of Eurasian's Archaeology
E-mail: LIAE306@yandex.ru
Tel: 8(4732) 39-29-35